

ВНЕШНЕ он мало чем напоминает голливудскую «звезду» и телевизионного идола. «Мало чем»? Сказано мягко, обтекаемо. Он полная антитеза разных узьнов, куперов, гэйблов, пэков, хестонов и прочих воплощений стопроцентного американизма, владеющих не столько системой Станиславского, сколько «Смит и Вессон», умеющих обзудывать не столько свой артистический темперамент, сколько необъезженных скакунов. Невысокого роста, с покатыми плечами грузчика, лысый и в очках, в старомодных сорочках, как правило, без галстука и с закатанными до локтей рукавами, с расплюснутым носом не выбившегося в чемпионы боксера и с большими, как радары, ушами, он скорее похож на мастерового, на человека «из тольги», короче, на кого угодно, но только не на Родольфо Валентино. И тем не менее Эд Аснер — «звезда» первой величины.

Поскольку в Голливуде все, в особенности успех, меряется на долларовой аршин, скажу, что Аснер зарабатывает немалые деньги. Конечно, деньги — не всегда дубликат таланта, таланты в США сплошь и рядом погибают в нищете, но они верный индикатор популярности, а популярность Эда Аснера оглушительная. Миллионы — не долларов, а зрителей — даже позабыли или вообще не знают имени актера и величают его по имени персонажа, которого он играет вот уже почти два десятка лет — репортера Лу Гранта.

Эд Аснер пользуется популярностью не только у зрителей, но и у своих коллег-актеров. Сравнительно недавно он был избран президентом

Гильдии киноактеров — профсоюза актеров кино. Этот пост обычно занимают представители голливудского «истэблшмента». Рональд Рейган, нынешний президент, возглавляя гильдию с 1947 по 1952 год и в 1960 году. Чарлтон Хестон, о котором покойный Сесиль де Миль любил говаривать, что он-де единственный актер, обладающий «голосом бога, Моисея и Бен-Гура», был шестикратным президентом гильдии. Именно его сменил в прошлом году Эд Аснер. Но ни гонорары, ни президентство не сделали его человеком «истэблшмента». Более того, он пришел к руководству профсоюза благодаря совершенно противоположным силам и совершенно противоположным качествам. Голосом Эда Аснера говорят не бог и не Моисей, и даже не Бен-Гур. Его голосом глаголет реальный Голливуд — не волшебных замков, а мансард и серой повседневности, не «фабрики снов», а отрезвляющей реальности.

Гильдия киноактеров насчитывает пятьдесят пять тысяч членов, и 85 процентов из них — безработные! Аснер возглавил гильдию на волне отчаянных забастовок отчаявшихся кинематографических лицедеев, которым не дают играть, а следовательно, и жить, которые валят существование, весьма далекое в прямом и переносном смысле от серебряного и голубого экранов. Эд был в первых рядах пикетчиков. Его кокетливая фигура в зеленой бейсбольной шапочке-козырьке мелькала в авангарде не предусмотренных голливудской режиссурой массовок. Его рука крепко сжимала древко плаката, на котором под словами «Бастуют акте-

Мэлор СТУРУА

ры» была изображена черная маска. Но сам Аснер выступал без маски. Он открыто бросал вызов подлинным хозяевам Голливуда — банкам и монополиям, скупившим знаменитые в прошлом киностудии и насаждающим в них заповеди уоластритовских контор, более чем сомнительно стыкующиеся с десятью заповедями, которые бог — Сесиль де Миль открыл Моисею — Хестону.

Повальная безработица заставила голливудских актеров отвернуться от «неотразимого» Хестона. Этому в значительной степени способствовала и далеко неблагоприятная эволюция кинематографического Моисея, который когда-то принимал участие в походах за гражданские права, возглавлявшихся Мартином Лютером Кингом, а ныне он прислуживает Вашингтону в качестве «добровольного сокраща», выскивающего ассигнований на культуру и искусство. Актерская масса увидела в Аснере своего, несмотря на его миллионы и успех, увидела и отдала ему большинство голосов. И не ошиблась. Аснер, как лев, но не тот, что прирученно рычит с торговой марки «Метро-Голдвин-Майер», сражается за права безработных коллег, против депрессии, поразившей Голливуд. Он их профсоюзный босс в лучшем смысле этого слова, не бонза, запродавший и закупленный, а борец. Недаром в его фигуре, в его крепко посаженной шее есть нечто борцовское.

З В У Ч И Т Н А Б А Т

Аснер отлично понимает, что сила профсоюза в его единстве. Вот почему он упорно добивался объединения Гильдии киноактеров с Гильдией статистов кино. «Чем больше у нас членов, тем сильнее наши мускулы», — говорил Аснер. Голливудская элита во главе с тем же Хестоном, Джеймсом Стюартом, Клинтон Иствудом и некоторыми другими воспринималась слиянием, утверждая, что оно являлось «разметом» артистическую чистоту профсоюза. Однако этот снобизм был лишь формой. Существо вопроса крылось в другом — киномагнаты боялись усиления гильдии. Разгорелась борьба, которую в печати онебрились «войной звезд» и поединком «Моисей против Лу Гранта». Победителями из нее вышли Аснер и сторонники профсоюзного единства. В состав Гильдии киноактеров вошла не только Гильдия статистов кино, но и Американская федерация актеров телевидения и радио.

Однако для Аснера профсоюзное единство не замыкается на Голливуде, не ограничивается актерской средой. Аснер в его понимании не только художник, но и рабочий. Вот почему, когда новая администрация обрушила репрессию на воздушных диспетчеров, разогнала их профсоюз и бросила за решетку его руководство, Аснер немедленно выступил в защиту своих собратьев по борьбе за жизненные права трудящихся. В те дни его можно было видеть в рядах уполненных диспетчеров, пинетировавших лос-анджелесский аэропорт. Более того, под влиянием Аснера руководство гильдии приняло решение не награждать президента ежегодной почетной премией профсоюза «За заслуги».

Такой афронт не прошел Аснеру даром. Против него была объявлена открытая вендетта. Голливудская «мафия», подстрекаемая вашингтонскими властями, попыталась «перезагрузить» Хестона и свалить Аснера. Хестон организовывал пикеты перед штаб-квартирой гильдии, раздавал интервью, плел всевозможные интриги,

ВО ВРЕМЯ очередного пикетирования штаб-квартиры гильдии и, разумеется, под прицелом телевизионных камер произошла словесная схватка, причем Аснер награждал Хестона весьма неудобным и даже непечатным эпитетом. Хестон начал разыгрывать оскорбленное самолюбие, но сочувствия не получил. Не удался и «переворот», задуманный голливудско-вашигтонской «мафией». Актерская масса отстояла своего вожака...

Но история со слиянием различных актерских профсоюзов была лишь предвестием бури. Настоящий шторм разразился после того, как Эд Аснер стал активно выступать против американского вмешательства в Сальвадоре.

Было это приблизительно полтора года назад. В студию телевизионной компании Сиби-эс, на которой снимаются серии о Лу Гранте, — она находится в долине Сан-Фернандо, Калифорния, — пришла католическая монахиня сестра Патриция Кроммер и попросила встречи с Эдом Аснером. Актер долго беседовал с монахиней. Не о боге и не о кино. Речь шла о положении в Сальвадоре, о трагедии его народа. Сестра Кроммер принесла с собой литературу, а несколько позже показала Аснеру фильм о Сальвадоре, святым голливудским документалистом Джакобусом Костере, который вместе с его тремя коллегами был зверски убит 17 марта этого года солдатами хунты. Название фильма оказалось пророческим

для его создателя — «Революция или смерть!» У сестры Кроммер была конкретная просьба к Аснеру — помочь в сборе средств для закупки медикаментов и медицинского оборудования для тех районов Сальвадора, которые находятся под контролем повстанческих сил. Причем она предупредила, что медикаменты, посылаемые через правительственные каналы, не доходят до места назначения.

— У меня давно имеются претензии к политике Вашингтона в Латинской Америке. Мы безразличны к судьбам демократии на этом континенте и глухи к страданиям его народов, — говорит Аснер. — Так что слова сестры Пэт нашли отклик в моем сердце. Вместе с ней и замечательной сальвадорской женщиной Изабель Карденас из Фонда помощи имени архиепископа Роме-ро, тоже убитого хунтой, мы принялись за дело — помогать тем, кого олигархия сделала нищими, бездомными и безземельными.

Аснер — знаменитость. Он хорошо знает цену этому товару в Америке. И он решил употребить его на благородное дело. Более того, Аснер стал снабжать женщин телефонными номерами других голливудских «звезд». Как правило, эти номера засекречены, чтобы оградить «таланты» от «поклонников» — истеричек, а иногда и убийц. Но не все «друзья из записной книжки» Аснера оказались на высоте. Некоторые грозилась чуть ли не судом за раскрытие их засекреченных номеров и требовали от студии, на которых снимается Аснер, «прекратить это безобразие».

Но сам Аснер и не думал прекращать начатое дело. Он возглавил комитет медицин-

ской помощи Сальвадору, который провозгласил своей целью сбор одного миллиона долларов на покупку медикаментов. Эд читал запоем все, что публиковалось о Сальвадоре, встречался с эмигрантами, бежавшими от террора хунты, внимательно следил за крутыми поворотами латиноамериканской политики Вашингтона.

— Я не эксперт по Сальвадору, но я гражданин, который умеет читать, — говорит Аснер. — Знаю ли я в этой области больше государственно-секретаря Хейга? Не могу сказать. Я не знаю, что знает он, но на основе того, что я читаю и что он говорит, я пришел к выводу — мы поддерживаем в Сальвадоре не ту сторону. Мы и в прошлом слишком часто поддерживали не ту сторону и не в том месте. Это у нас вошло в дурную привычку. Почему мы никогда не выступаем на стороне национально-освободительных революций? Против диктаторов? Мы совершали эти ошибки и раньше. Мы продолжаем делать их и сейчас.

Был такой знаменитый фильм Фрэнк Капры «Мистер Смит едет в Вашингтон». К сожалению, в последние годы Голливуд навевается в Вашингтон исключительно для парадных церемоний. Даже Джимми Стюарт, игравший мистера Смита, надевает мундир генерала военно-воздушных сил, когда отправляется в Вашингтон... Слово «социальный» имеет в английском языке два смысла, причем совершенно противоположные друг другу. «Социальный» в обычном понимании и «социальный» как синоним «светский». Кинематографиче-

ский мистер Смит приехал на Потомак, чтобы повсеуслышание заявить: Америка тридцатых годов — это не сказочный замок Камелот, это страна депрессии и кризиса, безработицы и отчаяния, страна коррумпированных политиканов, гангстеров и кочующих бродяг. Это был социальный визит. Визиты Джимми Стюарта и других столпов голливудского «истэблшмента» в Вашингтон — светские визиты. Бойцы вспоминают минувшие дни, собирались под хрустальными люстрами Белого дома, вспоминают «Оскар», полученные и упущенные, вспоминают те благословенные годы, когда их «всеохватным» режиссером был сенатор Джо Маккарти, признававший в цветном кинематографе лишь одни «черные списки»...

15 февраля 1982 года Эд Аснер прибыл в Вашингтон.

— Это был абсолютно подходящий день для нашей миссии — день рождения Джорджа Вашингтона, — говорит, лукаво усмехаясь, Эд Аснер.

Миссия Аснера заключалась в следующем: передать чек на 25 тысяч долларов мексиканским врачам для сальвадорских повстанцев. Конечно, чек этот вполне можно было переслать по почте. В США почта, в отличие от совести, работает без перебоев. Но миссия Аснера была не филантропическим жестом, а политической акцией. Вот почему он приехал в Вашингтон. Более того, церемония вручения чека состоялась на лестнице, ведущей к парадному подъезду государственного департамента США! Аснер был